

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ КОЧЕВНИКИ В АХЕМЕНИДСКОМ ИРАНЕ

Ю. С. Кухарчик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 22030, г. Минск, Беларусь
kukharchyksch44@gmail.com*

В статье рассматривается кочевое население территории Средней Азии в системе управления державы Ахеменидов, опираясь на материалы древнеперсидских царских надписей.

В ахеменидский период не существовало географического понятия, которое соответствовало современному «Средняя Азия», поэтому при изучении истории Средней Азии в древности приходится выходить за ее границы. Кочевое население Средней Азии, согласно древнеперсидским царским надписям, было представлено такими группами, как Dahā, Sakā haumavargā и Sakā tigraxauda. На большей части Средней Азии, за исключением юго-западных областей, были распространены восточноиранские языки. Dahā и Sakā в разное время вошли в состав персидского государства: первые, скорее всего, во время правления Дария I или Ксеркса, а вторые – Дария I. Территории расселения среднеазиатских кочевников обладали достаточно широкой автономией в ахеменидском Иране, что обуславливалось не только политикой центральных властей, но и географической отдаленностью от центра, что может говорить о формальности их вхождения в состав Персидской империи. Скорее всего, активные восстания кочевников Средней Азии происходили уже во время правления Кира II.

Так на рубеже V и IV вв. до н. э. среднеазиатские кочевники начинают выходить из подчинения персидских царей, что было связано с геополитическими изменениями в Средней Азии.

Ключевые слова: saka; dahā; Средняя Азия; Персидская империя; кочевники.

CENTRAL ASIAN NOMADS IN ACHAEMENID IRAN

Yulia Kukharchyk

*Belarusian State University,
Nezavisimosti av. 4, 22030, Minsk, Republic of Belarus
kukharchyksch44@gmail.com*

The article examines the nomadic population of the territory of Central Asia in the system of government of the Achaemenid Empire, according the materials of the Ancient Persian royal inscriptions. In the Achaemenid period there was no geographical concept that corresponded to the modern «Central Asia» so when studying the history of Central Asia in ancient times you have to go beyond its borders. The nomadic population of Central Asia, according the ancient Persian royal inscriptions, was represented by such groups as Dahan, saka haumavarga, and saka tigraxauda. In most of Central Asia with the exception of the southwestern regions Eastern Iranian languages were common. Dahā and Sakā at different times became part of the Persian state: the former, most likely, during the reign of Darius I or Xerxes, and the latter-Darius I. The territories of settlement of Central Asian nomads had a fairly wide autonomy in Achaemenid Iran, which was due not only to the policy of the central authorities, but also to the geographical remoteness from

the center which may indicate the formality of their entry into the Persian Empire. Most likely, active revolts of the nomads of Central Asia took place already during the reign of Cyrus II. So at the turn of the V and IV centuries BC, the Central Asian nomads began to leave the subordination of the Persian kings, which was associated with geopolitical changes in Central Asia.

Keywords: saka; dahā; Central Asia; Persian Empire; nomads.

Введение

Средняя Азия – это часть территории Центральной Азии, которая простирается от Каспийского моря до китайской границы. До 1920–х гг. эта территория в русскоязычной историографии носила название Туркестан. В зарубежной литературе вместо термина «Средняя Азия» часто используется эквивалент «Центральная Азия», и эти понятия не имеют четких различий. Сейчас в Средней Азии находятся Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и значительная часть Казахстана. Средняя Азия является одним из ранних очагов государственности. В ахеменидский период не существовало географического понятия, которое соответствовало современному «Средняя Азия», поэтому при изучении истории Средней Азии в древности приходится выходить за ее границы.

Источников, отражающих историю народов северо-восточных территорий Персидского государства ахеменидского периода, сохранилось немного, а письменных источников именно с данных территорий этого периода до сих пор не найдено. Основными источниками в нашей работе являются надписи персидских царей, не только потому, что этот тип источников реже используется при изучении вопросов истории среднеазиатского региона, но и потому, что они составлены современниками описываемых событий, т.е. являются хронологически самым приближенным к событиям. Большая часть царских надписей датируется годами правления Дария I (522–486 гг. до н. э.) и Ксеркса (486–465 до н. э.).

Однако при работе с этой группой источников следует учесть их субъективизм и тенденциозность [1, с. 179], поскольку они:

- 1) фиксируют информацию о наиболее важных делах царей;
- 2) составлены таким образом, чтобы сформировать положительный образ царя;
- 3) как правило, автор опускает события, которые могут испортить героический образ правителя.

Особенностью изучения региона является деление населения северо-восточных территорий на народы оседлой культуры и кочевые племена.

Восточные территории державы Ахеменидов, которые

располагались в том числе на территории Средней Азии, во времена Геродота (Herod. Hist. III, 90–94) включали следующие области: Парфию, Согд, Хорезм и Арею (XVI сатрапия), Бактрию (XIII сатрапия), Сакию (XV сатрапия); каспии упоминаются как в составе XV сатрапии, так в XI сатрапии; Париканию, азиатских эфиопов и соседей (XVII сатрапия), Индию (XII сатрапия), Арахосию и Дрангиану.

Кочевое население Средней Азии, согласно древнеперсидским царским надписям, было представлено такими группами, как *Dahā*¹⁶ (DNa 25), *Sakā haumavargā* (DNa 24; DSe 24–25; XPh 27) и *Sakā tigraxauda* (DNa 25; DSe 25; XPh 26). При этом о населении среднеазиатских степей упоминают и письменные источники соседних народов.

На большей части Средней Азии, за исключением юго-западных областей, были распространены восточноиранские языки [2, с. 107; 3, с. 115–116].

Для персов, очевидно, имело значение племенная идентификация жителей своего государства. В Бехистунской надписи Дарий, описывая действия своих подданных при подавлении восстаний, использует такие формулировки, как *Dādaršiš: nāma: Arminiya: manā: badaka* «...моего последователя по имени Dādaršiš, армина...» (DB II. 29–30) или *Taxmaspāda: nāma: Māda: manā: badaka* «моего последователя Taxmaspāda, мидийца» (DB II. 82). Также Дарий указывает племенную принадлежность всех предводителей восстаний, которые охватили страну в первый год его правления, например, *Ciçataxma: nāma: Asagartiya* «Ciçataxma сагартиец» (DB IV, 20–22); *Frāda: nāma: Mārgava* «Frāda маргианец» (DB IV, 23–24); *Arxa: nāma: Arminiya* «Арха армина» (DB IV, 28–29); *iyam: Skuxa: hya: Saka* «это Skuxa сак» (DBk) и др.

Saka. Содержание понятия

Saka (мн. ч. *Sakā*) впервые засвидетельствовано в Бехистунской надписи Дария I. Для обозначения сакских племен в аккадской версии надписи используется традиционное для этого региона понятие (*mātu*) *gi-mi-ri* [6, XV]. В вавилонских и ассирийских текстах еще доахеменидского времени для обозначения всех кочевых племен Великой степи использовался термин *gi-mi-ri* (варианты: *ga-mir*, *gamir-(r)a*, *gi-mir-a-a*, *gi-mi-ra-a-a*), т.е. киммерийцы [7, p. 563]. Однако следует отметить, что данное название в вавилонских текстах, в первую очередь,

¹⁶ Здесь и далее транскрипция древнеперсидского текста приводится по изданиям Р. Кента [4], с дополнениями Р.Шмит [5].

использовалось для названия собственно киммерийцев [см: 8, р. 103–140; 9, с. 132 и сл]. Ассирийцы уже делили кочевые племена на киммерийцев и скифов. Ассирийские источники называют скифов *asguzāi*, а вавилонские – *iškuzāi* [10, с. 242]. Поскольку киммерийцы уже с конца VIII в. до н. э., а в дальнейшем и скифы, нападали на границы Ассирийской державы, очевидно, что и те, и другие, были хорошо известны в регионе. Как принято считать, скифы и киммерийцы были родственны друг другу, и поэтому ассирийцы и вавилоняне не всегда их различали [11, с. 91; 10, с. 242; 9, с. 162–163]. В эламской версии Бехистунской надписи для обозначения племен *Saka* используется термин *(m)šakka* в единственном числе и *(m)šakka-pe* во множественном числе (DB I.14; II.3) [6, LXXII], что соответствует древнеперсидскому термину.

Этимология понятия *Saka* остаётся неясной.

В ранних надписях Ахеменидов встречается только термин *Saka*, но в более поздних надписях персидских царей происходит их дифференциация. В ахеменидских надписях употребление понятия *saka* засвидетельствовано в нескольких случаях:

- 1) *saka* (DB I 16; II, 18), как обозначение территории, провинции;
- 2) *sakā* (DPe 18), как обозначение этнической группы;
- 3) *sakā tigraxauda* (DNa 25; DSe 25; XPh 26), как название одного из племен;
- 4) *sakā haumavargā* (DNa 24; DSe 24–25; XPh 27), как название одного из племен;
- 5) *sakā tyaiy para sugudum* (DPh 5; DH 4–5), как название одного из племен; северо-восточный рубеж государства;
- 6) *sakā tyaiy paradraya* (DNa 28), *sakā paradraiya* (A?P 24), как название одного из племен.

В тех случаях, где идет упоминание конкретных племен *Sakā tigraxauda*, *Sakā haumavargā*, *Sakā tyaiy para sugudum*, *Sakā tyaiy paradraya*, используется только множественное число. В перечне стран, подчиненных персами, понятие *Saka* упоминается как во множественном числе, так и в единственном. В Бехистунской надписи Дария I *Saka* впервые встречается среди стран, завоеванных Ахеменидами (DB I. 9–17), и упоминаются около 16 раз, с учетом восстановленных лакун V столбца Бехистунской надписи.

Чаще всего понятие *Saka* употребляется при перечислении завоеванных персами территорий DB I 14–17, DPe 10–18, DNa 22–30, DSe 21–30, DSm 7–11, XPh 19–28. В своей основе упоминания идентичны, но имеют некоторые незначительные расхождения, которые можно объяснить территориальными и количественными изменениями

стран, которые входили в состав империи Ахеменидов. *Sakā tigraxauda* и *Sakā haumavargā* впервые упоминаются в надписи Дария из Накш-и Рустама, а *Sakā tyaiy paradraya* встречается исключительно в Накш-и Рустамской надписи. Дифференциация племен *Saka* говорит не о каком-то их разделении, а, скорее, о формировании более детального представления о племенных группах.

Sakā haumavargā упоминаются 3 раза в надписях Дария и Ксеркса (DNa 25; DSe 24–25; XPh 26), «саки, почитающие хаому или приготавливающие хаому». В эламском варианте надписи используется слово *u-tu-ma-ga*, а в аккадской – *ú-tu-ur-ga*.

Очевидно, что данное название связано с хаомой (авест. *haoma*-, санск. *soma*-) [12, р. 131], названием растения и напитка, приготовленного из него [4, р. 211], имеющего сакральный характер в древнеиранской религии.

Sakā tigraxauda технически упоминаются 3 раза (DNa 25–26; DN XV (подпись к изображению); DSe 25; XPh 27), вместе с *Sakā haumavargā*, что значит "саки, носящие остроконечные шапки (или шлемы)". Это название соответствует рельефному изображению Скунхи, один из предводителей восстаний первых лет правления Дария Великого, на Бехистунской надписи. Данный термин образован путем соединения двух основ: прилагательного *tigra*- 'острый, остроконечный' и *haudā*- 'шапка, колпак' [4, р. 186]. Скорее всего, речь идет о национальном головном уборе, в котором изображен Скунха на рельефе Бехистунской надписи [12, р. 93].

Sakā tyaiy para sugudum, или «саки, которые за Согдом», засвидетельствованы в двух надписях (DPh 5-6; DN 4-5), где Дарий не приводит список подвластных территорий, а определяет общие границы государства *Xš: ima: xšaçaṃ: tyā: adam: dārayāmiy: hacā: Sakaibiš: tyaiy: para Sugdam: amata: yātā: ā: Kūšā: hacā: Hidauv: amata: yātā: ā: Spardā*, т.е. «это царство, которое я держу, от саков, которые за Согдом, отсюда до Эфиопии. От Индии, отсюда до Лидии» (DPh 4–8; DN 3–6). Скорее всего, здесь речь идет не о какой-то другой группе племен *Saka*, а о тех же *Sakā tigraxauda* и *Sakā haumavargā*.

В науке существуют самые разнообразные мнения относительно локализации племен *Saka*, упоминаемых в царских надписях Ахеменидов, например, в предгорьях гор Памира, Тянь-Шаня, Семиречье, бассейне Сырдарьи, западных районах Восточного Туркестана, на западе или северо-востоке Средней Азии и др. Детальный обзор возможной локализации племен *Saka*, опираясь на корпус письменных и лингвистических данных, приводит в своей работе Б.А. Литвинский [13, с. 158–174].

Saka изображены на различных ахеменидских рельефах в Персеполе и на царских гробницах в Накши-и Рустаме. На рельефах ападаны в Персеполе изображена делегация из представителей различных народов, среди которых изображены *Saka tigrahauda* [14, pls. 69, 97, p. 101–104]. На гробнице Дария в Накш-и Рустаме изображено 30 подчиненных народов, среди которых *Saka tigrahauda* и *Saka hauavarga* [15, figs. 39–52].

На ахеменидских рельефах *Saka* изображены с длинной окладистой бородой, в коротких кафтанах с поясом, длинных штанах мидийского типа. На голове высокий остроконечный головной убор (на различных рельефах немного отличается друг от друга). Следует отметить, что точно идентифицированы только *Sakā tigrahaudā*. На восточной части лестницы ападаны во дворце в Персеполе они изображены вооруженными: с правой стороны висит короткий меч, у лидера группы есть футляр для лука.

Для ахеменидских царей *Saka* – это не все кочевники центральноазиатских степей, а какая-то их часть, возможно, близкая по прародине или языку. В противном случае не сохранились бы этнонимы для других номадов, таких как *Dahā*, и персы не отличали бы их от других ираноязычных народов.

Dahā. Содержание понятия

Dahā (мн.ч.) в древнеперсидских царских надписях встречаются только один раз в Антидэвовской надписи Ксеркса (XPh 26), датируемой 486–482 гг. до н.э. Засвидетельствован и аккадский вариант этого термина – *da-a-an*. Известна и авестийская форма *Dāha-* (*Dānha*) [16, p. 744], засвидетельствованная в форме женского рода *dāhī-* (Яшт 13.144), которая встречается в перечне племен, следовавших зороастрийской религии. Тот факт, что древнеперсидская и авестийская формы этимологически связаны, не обязательно доказывает, что эти два имени относятся к одной и той же этнической группе.

В списках подчиненных народов древнеперсидских царских надписей нет локаций. Попытки связать локализацию территорий расселения различных народов с местом упоминания среди подчиненных территорий носит искусственный характер, например, *Narauvatiš* и *Armina* в Антидэвовской надписи упоминаются рядом, хотя географически они располагались на противоположных концах империи.

Происхождение понятия, как правило, связывают с хот. *Daha*, что значит «человек, мужчина». Это предположение было высказано уже в начале XX в. С. Коновым [17, p. 96–97]. Такое название позволяет четко

различать «своих» и «чужих», поскольку для обозначения «своих» используются термины типа «человек» [18].

Опираясь на известные письменные данные в IV–III вв. до н.э., можно предположить, что *Dahā* в Средней Азии занимали часть Согдианы (долина Зеравшана), окраины Левобережного Хорезма (Присарыкамышская дельта Амударьи) и часть долины среднего Атрека с прилегающими к ней районами [19, с. 64–67; 20, с. 29–36].

Элементы системы государственного управления среднеазиатских кочевников в Державе Ахеменидов.

Древнеперсидские цари проводили активную внешнюю политику по расширению своих владений. Уже при Кире персы имели определенные контакты с некоторыми группами среднеазиатских кочевников, например, есть точные данные о *Saka* [21, с. 498]. Однако вопрос об их подчинении персидскими царями остается дискуссионным. Скорее всего, *Saka* вошли в состав империи при Кире, а *Dahā* – во время правления Дария I или Ксеркса.

Кочевники играли важную роль в государстве, поскольку их владения составляли северо-восточные рубежи державы. Как и все подданные персидского царя, они платили дань в государственную казну *imā: dahyāva: tyā: adam: adaršiy: hadā: anā: Pārsā: kārā: tyā: hacāma: atarsa: manā: bājim: abara* (перечень стран), т. е. «... (вот) эти страны, которые я держал вместе с персидским войском, которые меня боялись, мне дань подносили» (DPe 7–10). Близкие по содержанию пассажи содержатся в большинстве древнеперсидских надписях (DNa 16–30, DSe 15–21 и др.). Кроме обязательной дани, подчиненные народы должны были подносить царю обязательные подарки. Рельефы ападаны в Персеполе изображают подчиненные народы, которые ведут царю различных животных и несут украшения и сосуды. Предполагается, что эти сцены изображали доставку во дворец на праздник подарков, которые вносились натурой [22, с. 188]. Кочевники Средней Азии изображены среди подчиненных народов на рельефах в Центральном здании и в Тронном зале в Персеполе [14, pls. 118–20, p. 135–136]. Четверо делегатов (№ 17–W9, 18–E9, 22–E11, 28–E14) на каждом рельефе изображены в почти идентичных костюмах. Судя по спискам провинций в различных ахеменидских надписях, только *Sakā haumavargā*, *Dahā*, *Sugda* и *Uvārazmīš* могут быть соотнесены с этими делегатами. Следует отметить, что древнее население Согда – это те же саки, но ведущие оседлый образ жизни и поддерживающие теснейшие связи со своими соплеменниками [23, с. 219–220; 24, с. 79–92], ведущими кочевой, а возможно и полукочевой, образ жизни. Не все народы могут быть точно идентифицированы. Похожие, а иногда

идентичные, одежда и вооружение отличаются на рельефах представителей групп, которые этнически родственны друг другу и занимают соседние географические территории с аналогичными климатическими условиями. Судя по всему, такой группой являются *Suguda – Uvārazmiš – Sakā haumavargā – Sakā tigraxaudā – Sakā paradraya – Skudra* [14, p. 117; 25, с. 111].

Стоит отметить, что древнеперсидские рельефы очень конкретно и точно изображают различные народы, передавая особенности не только их одежды, но и внешнего вида. Изображения представителей других этнических групп куда конкретнее и реальнее, чем изображения «своих», что подтверждается этнографической точностью, которая характерна для изображения других этнических групп [26, с. 110; 27, с. 500].

Покоренные народы, должны были подчиняться общеперсидскому закону/порядку (*data*) *θātiy: Dārayavauš: xšāyaθiya: atar: imā: dahyāva: martiya: hya: agriya: āha: avam: ubartam: abaram: hya: arika: āha: avam: ufrastam: aparsam: vašnā: Auramazdāha: imā: dahyāva: tyanā: manā: dātā: apariyāya: yaθāšām: hacāma: aθahya: avaθā: akunavayatā*, т.е. «Говорит Дарий, царь: Среди этих стран человека, кто лояльным был, я вознаграждал, кто враждебным был, я наказывал. По воле Ахурамазды эти страны моему закону следовали. Как им было сказано, так было сделано (ими)» (DB I. 20–24); *tyašām: hacāma: aθahya: ava: akunava: dātam: tyā: manā: avadiš: adāraiya* [перечень стран] т.е. «то что было сказано мною им, то (ими) сделано. Закон мой, который держал их» (DNa 16–22). Аналогичные пассажи содержат и другие древнеперсидские царские надписи: DSe 14–21, XPh 14–19 и др.

Все подчинённые народы должны были нести и военную повинность: участвовать в военных компаниях в общеперсидском войске под руководством персидского царя. Об участии воинов *Saka* сообщают античные авторы (Herod. Hist. VI 113, VIII 113; IX 31, 71; Diod. XI 72). *Dahā* в греческих источниках перечислены в составе персидского войска. Так, в битве при Гавгамелах они сражались на левом фланге персидского войска (Arr. Anab. 3.11.37; Curt. 7.7.32). Есть археологические данные о том, что воины *Saka* служили в персидских гарнизонах в других регионах государства, на территории многих персидских владений были найдены статуэтки, изображающие восточных иранцев [28, с. 156; 29, с. 99–100].

Как известно, народы восточных сатрапий или включались в состав Персидской державы на положении подданных царя, полностью ему подчиненных, или присоединялись к нему в качестве союзников. К концу V в. до н.э. племена *Saka* были союзниками персов. Арриан

упоминает, что во время войны с Александром Македонским *Saka* не подчинялись бактрийскому сатрапу, как другие народы восточных территории. А у их отрядов был свой командир, и они действовали совместно с бактрийцами (Arr. Anab. III 8). Относительно *Dahā* вообще сложно говорить об их реальном подчинении.

Территории расселения среднеазиатских кочевников обладали достаточно широкой автономией в ахеменидском Иране, что обуславливалось не только политикой центральных властей, но и географической отдаленностью от центра, что может говорить о формальности их вхождения состав Персидской империи. Скорее всего, активные восстания кочевников Средней Азии происходили уже во время правления Кира II, вероятно именно поэтому вдоль границы Персидской империи по р. Сырдарье были построены крепости, такие как, Кирополь [30, с. 56, 31, с. 52–53; 32, с. 383; 33, р. 40].

Пока Дарий подавлял мятежи в одних частях государства, против него восстали другие территории, среди них названа и *Saka* (DB II 5–8), но о подавлении восстания в I–IV столбцах ничего не сказано. Упоминание о *Saka* содержит пятый столбец Бехистунской надписи, который посвящен походу Дария против *Saka tigraxauda*, однако, эти события, скорее всего, не связаны с описаниями восстаний в первый год правления Дария. Восстание *Saka* возглавил Skuxa/Skuⁿxa (элам. iškunka) [12, р. 127–128]. Согласно персидским царским надписям, он был руководителем восстания *Saka tigraxauda*.

Восстание *Saka* подавлял непосредственно сам царь *pasāva: adam: Sakā: vasiy: ajanam: aniyam: agarbāyam: hauv: basta: anayatā: abiy: mām: utāšim: avājanam: maθištašām: Skuxa: nāma: avam: agarbāya: utā: anaya: abiy: mām: avadā: aniyam: maθištam: akunavam: yaθā: mām: kāma: āha: pasāva: dahyāuš: manā: abava* «тогда саков я разбил полностью, другую (часть) захватил и... тогда другого величайшим (над ними) поставил, как моё желание было. Тогда страна моей стала» (DB V 25–30). Скорее всего, это говорит о том, насколько серьезным и стратегически важным было подавление восстания *Saka*.

По-видимому, Дарий считал, что кампания по подчинению *Saka* также важна, как и военные действия первого года правления, поскольку рельефное изображение Скунхи было помещено на скале, несмотря на то, что пришлось переделывать первоначальный вид всей надписи.

Главным итогом походов Дария I стало частичное подчинение *Saka tigraxauda* персам. Дарий, после подавления восстания не казнил Скунху. назначил над ними нового вождя из числа *Saka tigraxauda*, что говорит о непрочном их подчинении. Как правило Ахемениды назначали сатрапами персов или медийцев [31, с. 103]. При этом в

некоторых случаях, персидские цари сохраняли местные правящие династии [33, р. 410–412].

Скорее всего, *Dahā*, как и другие номады этого региона, стали появляться на границах левобережного Хорезма с рубежа VI–V вв. до н. э. из-за своих ежегодных меридиональных перекочевок, переселяясь осенью в более теплые районы [34, с. 290; 35, с. 116; 36, с. 4, 13–17]. Часть их уже в V в. до н. э. стала оседать в этих районах и переходить к полуоседлой жизни [37, с. 79–80]. Среди них были и *dahā*, которые, скорее всего, номинально признали власть персидского царя на условиях возможности пользоваться пастбищами в обмен на натуральные подношения [38, с. 16]. В начале IV в. до н. э. одни *Dahā* связывают свою судьбу с Хорезмом, отпавшим от державы Ахеменидов¹⁷ [39, с. 373], другие к середине IV в. до н. э. проникают в Согд и становятся подданными персидских царей.

Таким образом, примерно на рубеже V и IV вв. до н. э. среднеазиатские кочевники начинают выходить из подчинения персидских царей, что было связано с геополитическими изменениями в Средней Азии [14, с. 371–373]. Для персидских царей наступает новый период формирования отношений между среднеазиатскими кочевниками и Персидской империей. Которые строились не на полном подчинении, завоеванных народов, а своего рода «союзнических отношений» [31, с. 248].

Несмотря на то, что среднеазиатские территории входили в состав Персидской державы, они обладали достаточно широкой автономией, что обуславливалось не только политикой центральных властей, но и географической отдаленностью от центра. Эта отдаленность и возможная формальность вхождения территорий в состав державы, которая сводилась к уплате податей, приводила к восстаниям против персидского царя на этих территориях.

Библиографические ссылки

1. Медведская И.Н. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н.э.). История Мидийского царства. Санкт-Петербург, 2010.

2. Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. Москва, 1998.

¹⁷ Вопрос о времени отделения Хорезма от Персидского государства остается дискуссионным. Как правило, это событие датируют: рубеж V–IV вв. до н.э. [40, с. 33; 41, с. 746], рубеж V–IV вв. до н.э. или первая половина IV в. до н.э. [32, с. 270], IV в. до н.э. [42, р. 18], начало IV вв. до н.э. [43, с. 71], середина IV в. до н.э. [44, с. 24; 45, с. 237].

3. Расторгуева В. С. (гл. ред.) Основы иранского языкознания (древнеиранский язык) / ред. И. М. Оранский, С. Н. Соколов, В. И. Абаев. Москва, 1979.
4. Kent R. G. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven, 1950.
5. Schmitt R. *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great Old Persian Text*. London, 1991.
6. King L. *The sculptures and inscription of Darius the Great on the rock of Behistūn in Persia*. London, 1907.
7. Tokhtas'ev S.R. *Cimmerians* [Electronic resource] Mode of access: [http:// www.iranicaonline.org/articles/cimmerians-nomads](http://www.iranicaonline.org/articles/cimmerians-nomads). Date of access: 22. 07. 2020.
8. Diakonoff I.M. *The Cimmerians in Monumentum Georg Morgenstierne Vol. 1 Acta Iranica T. 21 Brill, Leiden*, pp.103–140.
9. Иванчик А. И. *Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н. э.* Москва, 1996.
10. Дьяконов И. М. *История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э.* Москва – Ленинград, 1956.
11. Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность*. Санкт-Петербург, 1993.
12. Tolman H. C. *A Guide to the Old Persian inscriptions*. Tennessee, 1908.
13. Литвинский Б. А. *Древние кочевники «Крыши мира»*. Москва, 1972.
14. Schmidt E. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago, 1953.
15. Schmidt E. *Persepolis III: Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago, 1970.
16. Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.
17. Konow S. *Vedic 'dasyu,' Toxṛī [i.e. Khotanese] dahä. Festschrift Vilhelm Thomsen*, Leipzig, 1912.
18. Blois F. *Dahae* [Electronic resource] / Blois F. Mode of access: [http: // https://iranicaonline.org/articles/dahae](http://https://iranicaonline.org/articles/dahae). Date of access: 02.04.2021.
19. Балахванцев А.С. *Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э.: происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.). 2005. С. 64–67.*
20. Балахванцев А.С. *Дахи Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные нарративной традиции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 1. С. 29–36.*
21. Пьянков И. В. *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. Санкт-Петербург, 2013.
22. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Культура и экономика Древнего Ирана*. Москва, 1980.
23. Обельченко О. В. *Культура античного Согда: По археологическим данным VII в. до н. э.* Москва, 1992.
24. Ходжайов Т. К, Ходжайова Г. К. *Этнографическая область Мианкаль в составе Большого Согда // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42).*
25. Яценко С.А. *Северное Причерноморье и Ахемениды: некоторые аспекты взаимоотношений // Боспорский феномен. Население, языки, контакты / ред. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик и др. Санкт-Петербург, 2011б.*
26. Вейнберг И. П. *Человек в культуре древнего Ближнего Востока*. Москва, 1986.
27. Яценко С. А. *Враги Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана / Под ред. А. З. Бейсенова. Алматы, 2011а.*

28. Ставинский Б. Я. Средняя Азия и Ахеменидский Иран // История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства / под ред. Б. Г. Гафурова. Москва, 1971.
29. Вертиенко А. В. Магия против «восточной угрозы»: ритуальная практика египтян во время Второго персидского завоевания // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XII. Одеса, 2016.
30. Иванов С. С. К проблеме взаимоотношений сакских племен Притяньшаня с державой Ахеменидов Воронежское востоковедение: сборник статей / науч. ред. М. В. Кирчанов. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. Вып. 1. 228, с. 55–61
31. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985.
32. Ставиский Б.А. Средняя Азия в Ахеменидскую эпоху // История таджикского народа. Т. 1. Душанбе, 1998.
33. Briant P. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. Winona Lake, 2002.
34. Ягодин В.Н., Бежанов, Е.Б., Манылов, Ю.П., Юсупов, Н.Ю. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент: ФАН, 1978.
35. Вайнберг Б.И. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 116–122.
36. Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники уралоказахстанских степей / ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 3–23.
37. Ягодин В.Н. Курганный могильник Дэвкескен-4 // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент: ФАН, 1990. С. 28–81.
38. Балахванцев А.С. Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э. (по данным археологии) // Российская археология. 2016. № 1. С. 11–24.
39. Балахванцев А.С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. 2006. Т. II. С. 365–375.
40. Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и Средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва, 1998
41. Пьянков И.В., Литвинский Б.А. Средняя Азия в Ахеменидское время // История Древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй. Москва, 2004.
42. Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkand to Sardis: A new Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles 1993.
43. Массон В.М., Ромодина В.А. История Афганистана. Т. 1 Москва, 1964.
44. Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х-80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. Москва, 1991.
45. Вайнберг Б.И. Заключение // Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. Москва, 2004.